

Не просите у осены смысла, / пожалейте её, господа.

Бахыт Кенжеев, «Доживать, ни о чем не жалея...»

– Приходило ли тебе когда-нибудь в голову, – спросил Крэнли, – что Иисус был не тем, за кого он себя выдавал?

– Первый, кому пришла в голову эта мысль, – ответил Стивен, – был сам Иисус.

Джеймс Джойс Портрет художника в юности

Везёт же некоторым быть слугой двух, а то и трёх-четырёх господ. Дело хлопотное, хотя иногда может пойти во благо. Это по свидетельству очевидцев, которым можно доверять: нашей сестры, одной на всех – Жизни, и кузины её Литературы.

Большой поэт, один из самых значимых и любимых, единственный в своем роде в русской словесности Бахыт Кенжеев по отцу – казах, по матери – русский. В нём, условно говоря, есть Запад, и есть Восток, «и здесь они встретились». Я не имею в виду систему ценностей, менталитет или различия в двойной спирали ДНК, присущие каждому этносу: Кенжеев переехал из Казахстана в Россию в 1953 году, в возрасте трёх лет, и по его же признанию, по-казахски не говорит; а Москву он покинул в 1982 году, отбыв в иммиграцию в Канаду, и в 2006 году переехал в Нью-Йорк.

Речь о неких архетипических моделях поведения, традиционно приписываемых Западу и Востоку, но антагонизм этот не без оговорок. Запад – это завоеватель, агрессор, активный покоритель стран и первооткрыватель пространств (хотя татаро-монголы времён Чингиз Хана или турки периода Османской империи – завоеватели не менее дерзкие). Запад – это рабов захватить побольше, поиметь всё, что движется, всех денег заработать, каждого по-миссионерски образовать и своей бурной энергией народы удивлять, пугать и заряжать. А Восток – это буддийский покой и пассивная медитация (при этом, христианский аскет и отшельник не уступят тибетскому монаху в созерцании и самопознании, но типовые клише наработаны столетиями).

¹ Из стихотворения Б. Кенжеева «Много в мире профессий. И подвиг любой...».

Неудачник закончит заочное, чтобы, отрочество отлетав,
зазубрить своё небо непрочное и его минеральный состав.
А счастливцев отбудет в Венецию, где земля не особо крепка,
но с утра даже в комнату детскую заплывают, сопя, облака.
Жизнь воздушная, кружево раннее – для того, кто раздет и разут,
пожелтевшую бязь мироздания шелковичные черви грызут.
И меняется, право, немного – чайка вскрикнет, Спаситель простит.
Невесомая тварь восьминогая на сухой паутинке висит.
Что там после экзамена устного? Не страшись. Непременно скажи,
чтобы тело художника грузного завернули в его чертежи.

Запад – антитеза нирване, Восток же – слабо артикулированное
внешнее поведение по странной, на первый взгляд, формуле «всего не
упустишь»: если качаться на волнах стиха, то лениво строчка за
строчкой из донного сора вырастут, после чего останется их только
записать.

Дыши глубже, не гони волну и не напрягайся: «В лирике
Кенжеева реальность понимается как художественное произведение, где
субъекту отводится роль персонажа, неспособного определять
«направление» сюжетных линий, судьбу действующих лиц и сам стиль
повествования»¹. В конце концов, не забывай о восточном лейтмотиве,
проходящем через абсурдистские тексты Беккета: «Всё, что с тобой
происходит – не твоё дело».

...Там угловатый хрип, ограбленное лето –
и море ясное. И парусник белей
счетов, оплаченных такою же монетой,
что давний проигрыш моих учителей.

Применительно к нашей теме, поэзия, по знаменитому
определению Вордсворта, это «эмоция, вспоминаемая в состоянии
покоя» – *emotion recollected in tranquility*.

Это, всё же, Восток. Золотой и Серебряный века русской поэзии,
поэзия довоенная и второй половины XX века дали прекрасные
примеры по всему спектру – от интенсивной созидательности до
расслабленного созерцания. И Бахыта Кенжеева можно уверенно
отнести к продолжателям традиции Баратынского (об этом и сам
Кенжеев – в многочисленных пастишах, омажах и едва ли не прямых
цитатах к хрестоматийной «Осени»):

...Дым отечества, чёрен и сладок,
опьяняет московскую тьму.

¹ А. Бокарев, Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970-1980-х годов. Ярославль 2013 год.
http://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01006719337.pdf

Роща претерпевает упадок.
Вот и я покоряюсь ему.

«...Автор бесстрастно констатирует несовершенство мира... Философия потери, утраты, поражения или того, что на первый взгляд выглядит таковым, роднит поэзию Кенжеева с эстетикой дзэн-буддизма, с саби-ваби – настроением растроганности от ущербных вещей и одиночества, характерным для традиционной японской поэзии»¹.

С этого места – поподробней перейти бы к поэтическому наследию Кенжеева, хотя об этом критиками и литературоведами написано, и сам Кенжеев рассказывает в массе интервью... если бы не одно «но». Вернее, два, или даже три.

Уникальность поэзии Кенжеева, «лица необщее выраженье» связаны не только с его особым поэтическим голосом, удивляющей, державинской, по сути, глубиной макабрических интонаций в добрососедстве с застольными анакреонтическими, но тем, что ему удалось устоявшийся, раздвоенный образ некоего абстрактного писателя убедительно разделить на несколько составляющих. Я не касаюсь темы шизоида, как писательского типа (адресую к моему эссе о Саше Соколове, в котором немало об этом сказано²), а говорю о банальном читательском подозрении, что в любом авторе сидят как Джекил, так и Хайд, как восточный гурман Омар Хайям, так и западный проспиртованный Веничка Ерофеев – и таких персонажей, alter ego может быть тьма тьмушая.

Как гетеронимов у Фернандо Пессоа. В отечественной культуре писателей такого профиля, практически, нет. Из тех, кто сразу приходит на ум, назову Владимира Лившица – отца поэта и филолога Льва Лосева, ближайшего друга Иосифа Бродского.

Лившиц – прозаик, поэт и драматург, написал поэтический цикл «Стихи Джемса Клиффорда», в котором от имени вымышленного английского поэта была высказана правда о войне и мире в тоталитарном государстве. Евтушенко даже обсуждал «Клиффорда» с Томасом Элиотом. Тот подтвердил, что «Клиффорд» – первоклассный поэт, популярный в Великобритании (?!). Вероятней всего, Элиот перепутал вымышленного поэта с кем-то из реально существовавших, но не в том суть.

Лившиц принимал участие и в коллективном производстве гетеронима Евгений Сазонов, «душелюба и людоведа», который опубликовал в «Литературной газете» «роман века» под названием

¹ Н. Стрельникова, Ледоход на реке времён. НЛО, №73, 2005 год. <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/st35.html>

² Г. Кацов, Между sudoku и воплем. О Саше Соколове, мастере плести интигру. «Эмигрантская лира», №2 (18), 2017 год. <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/katsov-gennady/2017-2-1>

«Бурный поток». У Сазонова также была собственная биография, и написанные им сатирические стихотворения никак не походили на те, из которых состоял стихотворный корпус самого Лившица.

Гетероним – это имя, используемое автором для части своих произведений, выделенных по какому-либо признаку (жанр, стиль, эстетическая школа, мировоззрение, конфессия...), в отличие от других произведений, подписываемых собственным именем или другим гетеронимом.

Гетеронимы Кенжеева – русский патриот Ремонт Приборов, мальчик-аутист Теодор, поэт Бахыт Кенжеев. Безусловно, не впечатляющий список из 136 вымышленных авторов (гетеронимов, полу-гетеронимов и псевдонимов), созданных Фернандо Пессоа, но по качеству маскам Пессоа не уступают.

Вы ничего не пропустили, я не оговорился: поэт Бахыт Кенжеев – гетероним, по моему скромному наблюдению. Но об этом позже.

Ремонт Приборов

... Как помню я те дни июня!

Как от души тебя пою я!

и возражений не боюсь.

Сдержу ли слезы умиления,

когда тебе бразды правленья

вручает радостная Русь!..

Р. Приборов, Ода на утверждение законного президента России¹

Слово автору гетеронима: «Ремонт Тимофеевич Бытовых-Приборов никакой не грек, а коренной сибиряк, ныне, правда, проживающий в Москве, на заслуженной пенсии, по некоторым сведениям – правнучатый племянник Козьмы Пруткова. В качестве любознательного сантехника (двоюродного брата любознательного кузнеца из стихотворения Ходасевича) он пылливо относится к миру, возмущается его несовершенством; в последнее время гордится своим русским патриотизмом и со здоровой ненавистью воспринимает пиндосов, то есть белоамериканцев; сочувствует реформам, однако не забывает о выдающейся роли И.В. Сталина – гениального менеджера...»².

Здесь необходимо одно существенное замечание. Возьми себе Мандельштам псевдоним в 1930-х годах, опытный читатель всё равно узнал бы в «Воронежских тетрадах» и «Стихах о неизвестном солдате»

¹ Приборов Р., Гражданская лирика и другие сочинения. 1969-2013. М. ОГИ, 2014. Все стихи Приборова цитируются по этому сборнику. <http://www.bakhyt.org/Priborov-OGI.pdf>

² А. Бельх, Чтение поэзии – занятие целомудренное. Октябрь, №5, 2009 год. <http://magazines.russ.ru/october/2009/5/be7.html>

автора «Камня» и «Tristia». Ранний Пастернак и Пастернак после 1934 года – это, несмотря на коренные различия, один и тот же писатель; Ахматова из «Поэмы без героя» узнаваема в юной даме, которая случайно «на правую руку надела / Перчатку с левой руки», а в «Столбцах» и стихотворениях после возвращения из ГУЛАГа, Заболоцкий остаётся, трагически изменившись, Заболоцким.

Псевдоним – своего рода эскапизм, исчезновение имени реального автора и появление имени вымышленного; при такой «рокировке» не затрагиваются стилевые координаты письма. Гетероним же противоположен псевдониму – это количественное увеличение имен реального автора при качественной трансформации, перерождении творческого почерка.

Расскажи мне, прекрасная Зата,
О судьбе злополучных Балкан,
Где бесчинствует гнусное НАТО...

.....
... И Джордж Буш человечьи консервы
На обед беззастенчиво ест!..

Р. Приборов, Стихи о счастливой любви, посвящённые прелестной хорватке Заточке Лыж.

Особенность гетеронимов: поэт Бахыт Кенжеев (р.1950) и поэт Ремонт Приборов (р. ок. 1950, как отмечено в его собрании сочинений) – неузнаваемые по отношению друг к другу авторы; это другое, в каждом случае, поэтическое письмо. К Бахыту неприменимы трудовая характеристика и творческая родословная Ремонта, и наоборот.

Сошлись «волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень» – и столь различны меж собой. Могу предположить, что Приборов понадобился Кенжееву не только ради возможности высказать затаённое «советское», как в любом из нас, родившихся в СССР. Это ещё и повод возобладать одной из собственных естественных ипостасей, выявив в антономии «Восток-Запад» своего «другого Аз», пребывавшего до этого в сравнительном забвении – шаржированного пролетарско-советского, социалистически-немецкого (Маркс-Энгельс), то есть западно-европейского образца.

...Кто на русскую музу покусится,
от души заявлю ему так:
тяга к Бродскому – признак безвкусицы
и мещанства позорного знак!..

Вдохновение Приборова питают лукавство Ходжи Насреддина, безупречная графомания капитана Лебядкина, афористическое умничанье Козьмы Пруткива и пародийный пафос Евгения Сазонова,

абсурдистская безысходная реальность Николая Олейникова и Хармса, игровая доверительность соц-арта, парадоксальная гражданская лирика Дмитрия Александровича Пригова с русскими-татарами по краям Куликовского поля и «милиционером» в центре мироздания. Его взгляд на внешний мир – определен провидческим пером Владимира Уфлянда: «Другие страны созданы для тех, / Кому быть русским не под силу».

Образ зиновьевского «гомо советикуса» Приборова – расхожий, к сожалению, типаж в городской толпе и в российской глубинке. Кенжеев в интервью сетует, что в нынешней России такой стандартный характер и придумывать не надо, да и писать всё бессмысленней по этому поводу – «приборовы» сегодня стали героями агитационных поэтических шедевров, которыми радуется многотысячных поклонников неиссякаемая Юнна Мориц и иже с ней.

... Богатырь на поле брани,
Твой кулак нам не разжать!
Сами мы тебя избрали,
Сами будем обожать!

На избрание В.В. Путина на второй срок.

В творческом наследии Ремонта есть и написанные гекзаметром патриотические оды, силлабо-тонические поучения и экономические послания, идеологически правильные басни с притчами и пьесы. Это ещё и «подражания классикам», «стихи для новых русских детей», многочисленные аполитичные, в духе квн-капустников, обращения и посвящения собратьям по «Московскому времени» и коллегам по писательскому цеху.

Таким образом, стихотворений с уклоном в политику в сокровищнице Приборова не так много, предполагаю, не более 30% – 40% от им написанного. Судя по изданной в 2014 году книге Приборова, всё, сочиненное после 2009 года, – прозаические небольшие тексты, а полное стихотворное собрание датировано 1969-2009 годами.

Мальчик Теодор

В 2006 году выходит в свет поэтический сборник «Бахыт Кенжеев. Вдали мерцает город Галич. Стихи мальчика Теодора»¹.

Первое, что бросается в глаза – цитата в названии, между Кенжеевым и Теодором, из герметичного текста А. Введенского: «... где плакал Разин шерстью псов / запоминая жесть псалмов / к дубравам чудным повлечён / вдали мерцает город Галич / показан как минутный

¹ Бахыт Кенжеев. Вдали мерцает город Галич. Стихи мальчика Теодора. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2006. Проект «Воздух», вып.17. Все стихотворения в этой главе эссе – из этой публикации. <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kenzheev4.html>

палец / и слышит княжескую речь...»¹.

бывало по утрам в охапку
вагон заезженный металл
безбедный швед роняя шапку
глазел и горько пьедестал...

«Мало кто ожидал от моего доброго знакомого, одиннадцатилетнего мальчика Теодора, – пишет автор предисловия Кенжеев, – что он внезапно увлечётся сочинением поэзии. С одной стороны, мальчик может целый день проваляться на диване с томиком Хармса, Асадова или Анненского. С другой стороны, сам он, по известным причинам психиатрического порядка, изъясняется с трудом, почти бессвязно... Стихи мальчика Теодора значительно яснее, чем его прямая речь; надеюсь, что создаваемый им странноватый мир (где верная орфография соседствует с весьма приблизительным воспроизведением русских склонений и спряжений, а логика строится по своим, находящимся в иных измерениях, законам) достоин благосклонного внимания читателя».

Итак, аутист с божьим даром (от греческих *theos* – бог, *doron* – дар), Теодор появился на свет в 2006 году, сразу в возрасте одиннадцати лет, получив весомую поддержку одного из самых титулованных русских поэтов конца XX – начала XXI века Бахыта Кенжеева. На мальчика обратили внимание, он стал широко известен в узком поэтическом кругу. А что получил, благодаря стихам мальчика Теодора, его судьбоносный покровитель? Правильней будет спросить: о чём говорит нам и ради чего сочиняет юный гетероним Теодор?

это вещи которые я люблю
это люди которые я терплю
безразлично в ненависти в любви там
словно алым закатным по облакам
словно кубики с буквами по бокам
потерпевшим греческим алфавитом...

В сборнике вы не найдете самого мальчика. Нет инфантилизма, размышлений о детстве и отрочестве, впечатлений о школе, хотя бы поверхностной имитации сознания ребенка. Ничего подобного. Лексика и читательский багаж – интеллигента российской столицы, разменявшего «полтинник», «полтос», «полтишок» лет 5-10 назад.

Никаких привязок – биографических или этнических. Теодор не только не ставит знаков препинания и не даёт названий большинству

¹ А. Введенский, Минин и Пожарский. Стр. 56. Полное собрание произведений в двух томах. Том 1. Произведения 1926 -1937. М. «Гилея», 1993 год.

текстов, но в них самих волен любую конкретику перевести в имя нарицательное.

младые поколения в пентхаусах домишк
не обожают ленина и сталина не слишк
но это лишь напраслина пустые свитера
зачем с водой выбрасывать младенца из ведра

Похоже, мальчика выплеснули вместе с водой ради акцентировки внимания на его психическом отклонении. Следы отклонений в текстах оставлены и являются важной, оправдывающей существование Теодора причиной. В известной постмодернистской традиции, когда для «вивисекции языка» (по определению П. Вайля и А. Гениса) Саше Соколову в «Школе для дураков» понадобился ученик Такой-то, страдающий от раздвоения личности и нелинейного восприятия времени; Андрею Битову в «Пушкинском доме» – пребывающий в мире иллюзий Лева Одоевцев; Венедикту Ерофееву в «Москве-Петушки» – алкоголик и святой юродивый Веничка, маниакально стремящийся попасть на Красную площадь.

Через неадекватное сознание героев, лингвистические изъяны и симулякры в их речи, постмодерн решает актуальную проблему языка – невозможность высказывания прямого или косвенного, стёртость лексического знака, накопленную заштампованность коллективной памяти. Когда ни ирония, ни смысловая игра уже не помогают, и остается надежда на деконструкцию, алогизмы, препарирование семантики и синтаксиса, инверсию, анонимность автора («скриптора» в постмодернистской терминологии) или возникновение гетеронимов...

По-крайней мере, это создаёт, используя постмодернистский словарь, «эффект реальности». Любопытно, что среди всего этого разнообразия, часто встречающийся приём Теодора – эллипсисы, что есть намеренный пропуск слов, не существенных для смысла выражения (в нашем случае, существенных – тем более): *«словно алым закатным по облакам», «отрада вольного улова / весёлый складывать слова», «верёвка протяжная с детским бельём / в прокуренной фильме феллини», «я натуру не насилую / верь не бойся не просить»,* т.д., и т.п.

... не унывай просись на ужин
не огорчайся сам не свой
пускай неожиданный и не нужен
осколкам скорби мировой...

В постмодернистской эстетике кроется ещё одна важная проблема: ощущение исчерпанности личного словаря при постоянной тяге к созданию текстов. «Мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны», – заметил как-то С. Аверинцев.

«Свежая кровь», что называется, необходима. И ненамышленный взгляд, и ненамоленное место. Привычка к сложившемуся типу говорения, зарекомендовавшие себя приёмы и наработки, как и прочие привычки по отношению к страсти, любви, верности, губительны для искусства. Эта личная проблема – частный случай в связи с «потерпевшим греческим алфавитом» или по отношению к «осколкам скорби мировой». Для того, чтобы собрать, сложить «осколки», есть известный путь: всё старое-трафаретное до основания разрушить, деструктурировать, а потом построить новый мир-рим-речь. Здесь и находится область интересов Теодора, и местожительство его музы.

Зачем же столько усилий? Перед лицом какой трагедии постмодернист готов пожертвовать едва ли не всей мировой культурой? Ответ простой: тишина. Ничего нет страшней для писателя, но если все звуки произнесены, слова отправлены в библиотеку-архив, то наступает безмолвие: «В метапоэтике Б. Кенжеева утверждается приоритет творческого процесса перед его результатом. Речь, движение «звукового узора», наконец, просто бессвязный лепет ценны сами по себе, вне зависимости от их изначальной цели... В конечном счёте, только так и можно противостоять молчанию, которое осознаётся как самая незавидная для поэта участь и фактически приравнивается к смерти»¹.

Если гетероним «Мальчик Теодор» берёт на себя ответственность за постмодернистский дискурс, то гетероним «Бахыт Кенжеев» предоставляет свободу высказывания той части писателя, которой есть что сказать по такой всеохватной теме, как модернизм.

Бахыт Кенжеев

Бывал и глуп, и скуп, и сам себе не равен.

Поплавай-ка, муму. Жужжи, моя пчела,

как бы гораций. Пой, сверчок-державин.

Расправь, олейников, два бронзовых крыла.

Б. Кенжеев, «Жизнь восхитительна...».

В одном из интервью поэт сообщает, что школьные годы он провёл под фамилией матери, москвички Елены Карасёвой: «В школе меня (по инициативе русской бабушки) звали на русский манер...»².

Если за русской фамилией следовало ещё и русское имя, как он сам его в разных беседах к себе прилагает – Борис, то школьника звали,

¹ А. Бокарев, Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970-1980-х годов. Ярославль 2013 год.
http://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01006719337.pdf

² «Уховёртка под божьим камнем». А. Белых: диалоги с Бахытом Кенжеевым. Сетевая словесность. <https://www.netslova.ru/belyh/kenzheev.html>

очевидно, Борей Карасёвым. Я поинтересовался об этом у одного из школьных учителей Кенжеева, знатока литературы, переводчика Романа Каплана, легендарного владельца манхэттенского ресторана «Русский самовар». Роман сказал мне, что Бахыта Кенжеева иначе в школе не называли. Похоже, в интервью – очередная мистификация Кенжеева, но нам остаётся принять его слова на веру: Карасёв так Карасёв.

Тема национальной идентификации была в семье, видимо, не из последних: «Когда я пошёл получать паспорт, за мной увязался мой папа, Шкурулла Кенжеевич... Майор милиции поприветствовал меня: «Здравствуйте, Бахыт Шкуруллаевич. Поздравляю вас с получением советского паспорта». И как само собой разумеющееся: «Так я в пятой графе пишу русский?» – «Нет, я казах». – «Погодите, вы ведь по маме Карасёв, имеете право». – «Но я не хочу». «Вы понимаете, насколько легче вам будет в будущем?». – «Да нет, русских и так много». Кончилось тем, что после долгих споров он всё-таки записал меня казахом. Выхожу от майора и вижу отца. Мой бедный папаша, орденосец, который прошёл всю войну, смотрел на меня жалкими глазами: «Бахытик, ты кем записался?». «Казахом, конечно». И это был первый и единственный раз, когда я видел слёзы радости на его глазах»¹.

Остаться официально казахом – было волевым решением. Другое дело, насколько 16-летний юноша, которого в 12 лет родители с трудом вытаскивали по вечерам из библиотеки, написавший в 15-ть первое стихотворение, мог предугадать (задумать?) свою судьбу русского писателя с богатой библиографией, составленной, по большей части, из книг казаха Бахыта Кенжеева.

Оставив имя и фамилию, Кенжеев ввёл себя в известный ряд русских литераторов: «...в России считаю себя казахом. Там есть прекрасные примеры состоявшихся «нацменов», которым я завидую. Это Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Юлий Ким, Чингиз Айтматов, Василь Быков... Мне очень приятно находиться в этой компании. Они, естественно, прекрасные русские писатели... Они всё-таки чувствовали себя немножко гостями в русской литературе»².

Гость – это возможность ощущать себя «другим», это привилегия иметь взгляд со стороны на происходящее, на всякий предмет. В этом месте особо напрягаться не надо, чтобы перебросить мостик к понятию «чужой» в содержательной, языковой и смысловой составляющих

¹ Сара Садык, «Бахыт Кенжеев о казахском в себе, об СССР и России, о «Лолите» и западных ценностях...» Nomad кочевник. 17 июля 2017 года. <http://nomad.su/?a=10-201707170020>

² Сара Садык, «Бахыт Кенжеев о казахском в себе, об СССР и России, о «Лолите» и западных ценностях...» Central Asia Monitor, 7 августа 2017 года. <https://camonitor.kz/27786-bahyt-kenzheev-o-kazahskom-v-sebe-ob-sssr-i-rossii-o-lolite-i-zapadnyh-cennostyah.html>

модернизма, с которым поэт Бахыт Кенжеев связан напрямую. По отношению к русской литературе Кенжеев свою «чуждость» подчёркивает: «... мои стихи не совсем русские. Мой первый родной язык был казахский, как ни странно это теперь. То есть на русский я все равно смотрю чуть-чуть отстранённо. Мне указывают, что в моих стихах для русского человека слишком много мотивов степи, кочевничества. Это какие-то очень тонкие механизмы, через которые предки влияют на моё мировосприятие»¹.

«Чужой», «чужое» слово – в концепции М. Бахтина о существовании художественного текста в ситуации полилога культуры, подхваченной мыслью М. Лотмана о литературном знаке, который хранит в себе память всех предшествующих употреблений, а, следовательно, объяснение смысла с самого начала связывается с пониманием текста через контекст. Различные интерпретации при объяснении разницы между «интертекстом», «интертекстуальностью», «цитатой», «реминисценцией» и «аллюзией» показали, что цитация в модернизме – не частный, второстепенный элемент текста, а указание на какую-то существенную грань авторского замысла, принципиально важную для адекватного восприятия произведения и, шире, средство выражения авторской интенции.

По частоте цитирования, что отмечают исследователи творчества Кенжеева, он уникален в сегодняшней русской поэзии. Рядом с ним можно поставить, по-моему, лишь концептуалистов – осетинца Тимура Кибирова и неосетинца Льва Рубинштейна. Но у концептуалистов – свои концептуальные задачи и не модернистские решения.

Если приложить «сетку цитат из русской литературы» к текстам Кенжеева (так в рассуждениях о цитациях Шекспира в «Улиссе» прилагают «сетку цитат» к тексту Джойса), то получится, предполагаю, впечатляющий узор – из лучших сентенций, образов, тропов. В традиции постломоносовской поэтической школы, русской поэзии после реформы Третьяковского. «Цитата, – писал О. Мандельштам в «Слове о Данте», – не есть выписка. Цитата есть цикада, – неумолкаемость ей свойственна».

Такую задачу – глобальную по отношению к нескольким векам русской литературы, мог бы решать русский писатель Борис Карасёв, «запоем зачитывавшийся в детстве и юности». Но то, что этому отдан казах Бахыт Кенжеев, говорит о неких знаковых нюансах, без которых был бы неточно прочитан литературный проект, который я рассматриваю в духе высказывания Джамбаттиста Вико (из «Новой науки», 1725): «Воображение есть не что иное, как переделка запомненного», или Джойса в разговоре с Ф. Бадженом: «Воображение

¹ «Как легко поскользнуться на собственном прошлом...». Ж-л «Форбс», №52, декабрь 2015 года. https://forbes.kz/life/thoughts/kak_legko_poskolznutsya_na_sobstvennom_proshlom/

– это память». Всё сказанное ни в коем случае не уменьшает высочайших творческих заслуг поэта и прозаика Кенжеева, напротив, расширяет представления о его поэтике и достоинствах.

Вовсе не имеется в виду, что 16-летний юноша тогда же и задумал свое поэтическое будущее в образе гетеронима Бахыт Кенжеев. Всё сложилось, это очевидно, ситуативно, но я не удивлюсь, если когда-нибудь обнаружатся неопубликованные стихи и проза русского писателя Бориса Карасёва, которые во всех смыслах будут не похожи на всё, написанное Кенжеевым. Ремонт Приборов не похож на мальчика Теодора, тот не похож на Бахыта Кенжеева, а Кенжеев – на Бориса Карасёва.

Если мы ничего пока не знаем о писателе Борисе Карасёве – это не значит, что он не существует, равно, как это не означает, что на настоящий момент о нём имеет четкое представление Бахыт Кенжеев (конечно, если «уже не написан» Карасев «в стол»). Но каковы могут быть причины появления гетеронима Бахыт Кенжеев?

То, что таким образом можно *отстраниться*, то есть вывести себя «из автоматизма восприятия», отойти от русской литературы на расстояние (фаустовское?) и, обозревая-цитируя-перекликаясь, осознать её, как особую и необходимую «часть речи», позволяет напомнить о высказывании Р. Барта: «Невозможно... жить вне бесконечного текста, независимо от того, будет ли этим текстом Пруст, ежедневная газета или телеэкрэн». Речь – о попытках сочетанием «чужих» текстов со «своими», включить произведение в гипертекст культуры. Всё это – частные случаи проявления того диалогизма, о котором говорил М. Бахтин. Для казаха Кенжеева *отстранение* от русской культуры – более естественно, чем для русского Карасёва.

Ещё одна мотивация из ряда возможных: в восприятии Кенжеевым русской классики может быть силён элемент саморефлексии, сознательного преодоления границы между казахской и русской культурами. Путь, который прошёл в Дублине Джойс, сводя культуры ирландскую и английскую. Опять-таки, если читатель не знает хрестоматийных песен айтысов, творчества народных акынов, текстов классика казахской литературы Абая Кунанбаева, не читал знакомый по школе «Путь Абая» Мухтара Ауэзова и имеет отдалённое представление о книге «Аз и Я» Олжаса Сулейменова, то это его, читателя, проблемы. И если Кенжеев не знает казахского языка, это не значит, что казахская литература для него не существует. Напротив, при такой ситуации возможен обострённый вариант данной саморефлексии.

Это приводит к повторам и возвращению к собственной текстологии. Существование казаха в русской литературе – вовсе не обязательно, но причина для не то, чтобы неуверенности в себе, но убеждённости в правильно выбранном маршруте, в перепроверке пути,

по которому идёт твой караван из поэтических и прозаических книг.

Интересно, что и в жизни Кенжеева немало таких раздвоений. От изначального, нереализованного судьбой: «Отец... был сыном ишана южного Казахстана. И если бы не революция... я получил бы духовное образование в Саудовской Аравии, а светское в Лондоне»¹. И до: «Почти двадцать лет – вплоть до горбачевской перестройки – ни я и никто из литераторов, знаемых, любимых или уважаемых мной, в эти Александрийские библиотеки (*речь идет о журнале «Юность»* – Г.К.) носу не казал, близко к ним не подходил! Разве что Кенжеев, но у него это как-то обаятельно, не противно получалось, потому что он даже не лёгок, а лёгóк»².

Вернуться по тексту – истории, судьбы, стихотворения, проверив, всё ли расставлено по местам, все ли слова в порядке. Масса сомнений, самоцитат и цитат повсюду. Янус двулик, но и трёхликий восточный «янус» шестирукий – остается безучастным Янусом, напоминающим о разных возрастах, национальностях, культурах.

Наиболее просвещенные из коллег уверяют, что я повторяюсь, что я постарел, но не вырос. Влажный вечерний снег бьет в глаза, и перчатки куда-то пропали. Стоит ли мельтешить, оправдываться на бегу, преувеличивая свои достоинства...

По большей части, стихи Бахыта Кенжеева не имеют названий, часть из них заканчивается многоточием, одна из книг, как на картине Рене Магритта «Это не трубка», названа «Названия нет», а сборник перед этим – «Невидимые». Он родился в Чимкенте, жил в Москве до переезда в Канаду. Пишет по-русски, профессионально переводит с английского на русский и наоборот, не знает казахского. У Пессоа в «Книге Непокоя»: «Сколькими Цезарями я был, но – нереальными. Был императором, пока мечтал, и поэтому никогда не был никем. Мои войска были разбиты, но поражение стало смешным, и никто не погиб. Я не потерял знамён... мой сон прервался на углу улицы...»

Как отмечают исследователи творчества Пессоа, в контексте собственной гетеронимии он перестаёт быть ортономом (то есть действительно существующим автором), но, вследствие такой «драмы в лицах», превращается в одного из собственных гетеронимов.

В отличие от вопросов «что?» и «как?», практически невозможно ответить однозначно на вопрос «зачем?» Зачем человеку бессмертие,

¹ Поверх барьеров. Поэт Бахыт Кенжеев. Интервью с Иваном Толстым. Радио «Свобода». 30 сентября 2001 года. <https://www.svoboda.org/a/24200432.html>

² Сергей Гандлевский, «Трепанация черепа». История болезни. Повесть. СПб.: Пушкинский фонд, 1996 год.

несколько жизней вместо одной, разные языки вместо одного, не одно имя, а их переключки, и не одна душа, а их соцветие. Хотя, на последний вопрос ответ есть: «Душа моя – Элизиум теней»¹.

Не тени, а – теней.

Элизиум, естественно, всегда в единственном числе.

... Но был ли мальчик? Не было, пожалуй.

Век всякий тесен, словно обруч ржавый
у Бога одинокого на лбу.

Душе, моей подруге непослушной,
так скушно здесь. Лишь океан воздушный
утеха ей...

Нью-Йорк, 16 – 23 февраля 2019 года

¹ «Душа моя, Элизиум теней, / Теней безмолвных, светлых и прекрасных...» – стихотворение Ф. Тютчева.